Надежда Белякова, Эйприл Л. Френч

Богословие приличия: представления евангельских христиан-баптистов о внешнем виде женщин в поздне- и постсоветский периоды

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-163-193

Nadezhda Beliakova, April L. French

Theology of Decorum: Perspectives on Women's External Appearance among Evangelical Christians-Baptists in the Late- and Post-Soviet Periods

Nadezhda Beliakova — Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; National Nuclear Research University; Sechenov University (Moscow, Russia) (Moscow, Russia). beliacovana@gmail.com

April L. French — Brandeis University (Massachusetts, USA). alfrench@brandies.edu

This article uses oral history interviews to examine the memory of believers from Evangelical Christian-Baptist (ECB) churches regarding the requirements for women's external appearance as a reflection of their personal piety. While discussing believers' memory of the late Soviet period, the article demonstrates that these congregations focused almost exclusively on women. The conviction that believers were not to reflect the "outside world" in appearance was actually a double standard for women, since women's fashion choices have been much more dynamic than men's in the Soviet and post-Soviet periods. The article discusses the historical and social significance of the emphasis on women's appearance, arguing that both a high view of scripture and a nostalgia for the "Soviet past" perpetuated the patriarchal norms held by both men and women in ECB congregations. The authors then utilize a series of historical photographs from the 1940s to the 1970s to demonstrate the scope of the transformation of ECB believers' memory, which did not always

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 15-18 00135-П «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия».

accurately reflect late-Soviet reality. The authors conclude that the extensive changes in the social order in general and in women's fashion in particular in the post-Soviet period strengthened believers' impulse to isolate themselves from the immoral "outside world." By following the accepted norms for their external appearance, ECB women's appearance becomes a marker of their faith and a visible sign of their piety that is so highly prized by their community.

Keywords: Evangelical Christians-Baptists, external appearance, women, double standard, theology of decorum, social memory, nostalgia for the Soviet past, evangelical piety, head covering.

«„ВО ВРЕМЕНА Советского Союза не принималась“ оскверняющая церковь извращенная светская культура. Лица христианских жен и девиц были свободны от безвкусных красок. Как правило, лица христианок светились, излучая естественную красоту. Но когда церковь обрела свободу и избавилась от преследований, она не смогла противостать натиску чуждой ей мирской жизни»[1]. Так обличал начавшееся в период перестройки падение дисциплины в общинах активист незарегистрированного сообщества евангельских христиан-баптистов А.И. Коломийцев.

В каком виде достойно «предстоять» перед Богом? В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать аргументацию, регулирующую внешний вид христиан в общинах евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Мы рассмотрим, как акценты с правил приличия, «подобаемых христианам», смещаются к требованиям, предъявляемым преимущественно женщинам; когда внешний вид становится маркером религиозности и определяющим при оценке женщины как христианки и какая теологическая аргументация при этом выдвигается.

В настоящем исследовании основным источником служат материалы устной истории и коллекции фотографий, полученных преимущественно из частных коллекций верующих, архива Московской центральной церкви ЕХБ и архива Российского союза ЕХБ. Несколько биографических интервью с верующими из Сибири были посвящены нормам поведения, принятым в советский

1. *Коломийцев А.И.* Пленник Книги. Вехи пройденного пути. Ванкувер: Церковь «Слово благодати», 2015. С. 323.

период[2]. Материалы, касающиеся европейской части бывшего Советского Союза, взяты из биографических интервью, в которых верующие рассказывали истории своего обращения, жизни в евангельских общинах, начавшейся еще в советский период[3]. Интервью с верующими из Тамбова и села Липецкой области были специально посвящены нормативам внешнего вида[4].

Память верующих о важности внешнего вида женщин

При анализе имеющихся автобиографических источников мы исходим из того, что память людей формируется посредством религиозной субкультуры. В данном случае внутри конкретного религиозного сообщества — евангельских христиан-баптистов — были выработаны собственная субкультурная память и язык для интерпретации опыта истории от позднеимперского периода до раннесоветского и с послевоенного до постсоветского. При обсуждении стандартов внешнего вида и этических норм рассказчики часто конструировали идеализированное прошлое, сложившееся в их памяти. Это ни в коем случае не подвергает сомнению историческую ценность их нарративов. Рассказчики воспроизводят свои воспоминания о прошлом сквозь призму того периода, в котором они находились, когда записывались интервью[5]. Практики и нормы какого прошлого описывают в качестве своих ценностей

2. Э.Л. Френч собирала биографические интервью среди верующих ЕХБ в Сибири с декабря 2014 г. по июль 2015 г. под наблюдением Экспертного совета Университета им. Брэндайса (протокол №14165) и благодаря гранту Фулбрайта.

3. Сбор биографических интервью среди верующих ЕХБ европейской части бывшего СССР проводился Н.А. Беляковой в рамках совместного проекта под руководством Мириам Добсон «Protestants Behind the Iron Curtain: Religious Belief, Identity and Narrative in Russia and Ukraine since 1945», поддержанного AHRC в 2012-2015 гг. Интервью с верующими из Московской общины ЕХБ собирались в 2017-2018 гг. в рамках совместного исследования Н.А. Беляковой и В.П. Клюевой, посвященного истории Московской центральной церкви Евангельских христиан-баптистов.

4. Выражаем благодарность аспирантке ГАУГН Екатерине Мироновой (Тамбов), которая взяла интервью и любезно предоставила материалы для публикации в данной статье, а также к.и.н. Вере Клюевой (Тюмень), которая поделилась своими материалами и прокомментировала наше исследование. Полный список интервью см. в конце статьи.

5. Хотя в данной статье критически анализируется память наших респондентов, основной акцент сделан не на обсуждении теорий индивидуальной и коллективной памяти, но скорее на то, каким образом память наших респондентов предопределяет их индивидуальное и коллективное понимание того, как женщины «должны» себя вести и одеваться в поздне- и постсоветском контексте.

представители евангельских сообществ? Тем более в случае с советским прошлым, в котором властный дискурс жестко формировал и кардинально менял представление о нормах, в том числе касающихся телесных практик и декорирования тела. Задавая этот вопрос, мы не должны забывать о динамических процессах в сфере телесных практик на протяжении XX столетия — кардинальных сменах стилей и моды, жесткой социальной сегрегации советского общества, отражавшейся и в одежде; параллельном сосуществовании на протяжении всего советского периода разных трендов: коммунистической аскетики, номенклатурной пышности (высокого стиля), альтернативных субкультурных стилей[6].

Интервью показывают, насколько важно для всех верующих, женщин и мужчин, обсуждение темы внешнего вида женщин. Что является правильным внешним видом? Как советские верующие должны были выглядеть и вести себя в церкви? Мы выделяем три важные темы, которые в той или иной степени затрагиваются в интервью. Во-первых, женские волосы и их покрывание. Во-вторых, закрытость тела — длина юбок и рукавов, недопустимость ношения «мужской» одежды, то есть брюк. В-третьих, украшения и употребление косметики. Считаем важным обратить внимание на то, что, говоря о стандартах внешнего вида, верующие приводят теологические обоснования; и нашей задачей является фиксация представления о «богословии приличия» (theology of decorum) в том виде, в каком оно преломляется в памяти верующих[7].

Очень часто в нарративах о женском облике присутствует тема женских волос. Верующие обсуждают не только (не)обязательность их покрывания в разных ситуациях, но и прически, стрижки и окрашивание. Вероятно, это связано с тем, что волосам уделено много внимания в Священном Писании. Мы знаем, что в обыденной жизни послевоенного периода в СССР мода на женские прически и окраску волос приобретает массовый характер.

Нарративы верующих показывают, что евангелики с осуждением смотрели на женщин, которые красили волосы. Одна рассказчица из зарегистрированной общины ЕХБ в Омске поведала о своих экспериментах с волосами. В конце 1980-х или начале

6. *Лебина Н.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. М.: НЛО, 2014; *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. 3-е изд. М.: НЛО, 2018.

7. Эйприл Френч предложила использовать английский термин *theology of decorum* для описания богословских и библейских концептов, используемых верующими для выдвижения требований к внешнему виду и поведению женщин в евангельских сообществах. Мы перевели этот термин как *богословие приличия*.

1990-х гг. она решила укреплять волосы смесью хны и басмы (распространенная практика заботы о волосах среди советских женщин). Когда она случайно использовала только хну, ее волосы стали огненно-рыжими. Но верующая все равно пришла на воскресное богослужение, потому что ей не хотелось пропустить хлебопреломление. На собрании несколько женщин упрекнули ее: «С ума сошла? Покрасилась так»; «Ты посмотри: на кого ты похожа?». Она рассказывала: «Я так напугалась, меня Дух Святой обличил. <…> Я напугалась и не стала принимать вечерю. <…> Ушла и расстроилась. <…> „Я больше Господа огорчать не буду“. Это я сама себе сказала и Господу сказала». Неделей позже в собрании к ней подошел «старец» (по терминологии рассказчицы) и спросил, что случилось. После ее ответа, что у нее все хорошо, он сказал: «Ты посмотри на себя в зеркало». Наша респондентка с изумлением поняла, что у нее поседели волосы «все до корней». Указывая на свои тонкие седые волосы, она закончила рассказ утверждением: «Вот такие волосы мне сделал Господь»[8].

Эта женщина — единственная рассказчица, детально рассказавшая о своем опыте окрашивания волос, и поэтому трудно судить о том, насколько ее случай является типичным для евангельских общин. Все же ее история иллюстрирует реакцию человека, оказавшегося в конфронтации с сообществом, в котором установлен контроль за внешним видом членов. По сценарию, возможному в любой евангельской общине мира, эта женщина приравняла голос обличавших ее к голосу Духа Святого. И хотя можно предположить, что полное обесцвечивание волос стало результатом химического процесса, она решила, что это Господь послал ей наказание за непочтение к Божьему промыслу через несоблюдение требований к внешнему виду евангеликов. Такой взгляд — яркий пример утверждения «что посеет человек, то и пожнет» (Гал 6:7) — преобладает среди опрошенных, рассматривающих свою жизнь сквозь призму субъективного Бога, наказывающего человека за грех и непослушание[9].

Другой сюжет, который является актуальным для обсуждения, — это покрытие головы женщиной и значение этого действия. Если в западном обществе уже появился ряд исследований, посвященных теологической и антропологической аргументации покры-

8. Интервью с Р.П. (Омск, 2014).

9. Интервью с Савченко Л.Л. (Омск, 2015); Самотуга М.Т. (Омск, 2014).

тия головы мусульманскими женщинами[10], то современная практика покрытия головы христианскими женщинами часто просто фиксируется, но пока не была предметом специального анализа.

В среде наших респондентов распространено убеждение, что замужние женщины должны покрывать свои головы[11]. Обычно дается отсылка к авторитету апостола Павла, утверждавшего необходимость покрытия женщиной головы при молитве (1 Кор 11:3-16). Этот отрывок стал основанием в консервативных религиозных сообществах СССР и на постсоветском пространстве требовать выполнения этого правила от верующих женщин.

Людмила Генрих, имеющая большой опыт работы с детьми и молодежью, жена пресвитера в Новосибирске, однозначно обосновывала практику покрытия головы во время богослужения своим желанием строить жизнь по библейским принципам:

> Я думаю, что нас воспитывали быть библейскими. Написано так в Библии, значит… Если написано в Библии, что жена молящаяся должна покрывать голову, нас никто не заставляет. <…> Я это принимаю, как именно мое смирение перед Богом и ангелами в том, что я имею мужа, и я хочу ему благословения. И это не традиция. Не будем говорить, не слепая традиция. Это убеждение[12].

Другая женщина — член общины ЕХБ в Омске с 1970-х гг. — так объяснила, почему она носит косынку:

> Раньше, мы все ходили в косынках. Замужние женщины все должны на собрания ходить в косынках. Обязательно. Вот. И нас это предупреждали. И часто были проповеди на это. <…> В проповеди, вот Кирилл Александрович [Сипко], проповедь был, и один брат, я его не знаю, он из деревни, говорит, что молящаяся женщина должны быть с покрытой головой. Она будет благословенна Господом, будет носить благословение на себе и на своих детях и внуках.

10. Gibson, N. (2007) “Faith in the Courts: Religious Dress and Human Rights”, *The Cambridge Law Journal* 66(3): 657–697; Shacher, A. (2010) “Freedom of the Dress: Religion and Women’s Rights in Secular States”, *Harvard International Review* 32(2): 53–59; Sunderland, J. (2012) “Damned If You Do, Damned If You Don’t: Religious Dress and Women’s Rights”, in M. Worden (ed.) *The Unfinished Revolution: Voices From the Global Fight for Women’s Rights*, pp. 297–304, Bristol: Policy Press.

11. Интервью с Волобуевой Н.А. (Омск, 2014); Генрих Л.А. (Новосибирск, 2015); Р.П.; Самотуга; Панчуковым В.Г. (Иркутск, 2015); Струковой С.С. (Новосибирск, 2015); Т.П. и В.П. (Иркутск, 2015); Хоробрых Л.В. (Омск, 2014).

12. Интервью с Генрих.

> А женщина, которая ходит не с покрытой головой, она теряет благословение. Это я помню. Я боюсь этого. Женщина с непокрытой головой, по Слову Божьему она теряет благословение[13].

Как мы видим, эта верующая была мотивирована прежде всего страхом, что «по Слову Божьему» женщина потеряет благословение, если она не будет покрывать голову. Однако в 1 Кор 11 апостол Павел нигде не говорит, что женщина теряет благословение, если будет молиться с непокрытой головой (или получит благословение, молясь с покрытой головой). В любом случае важно отметить, что респондентка приравнивает услышанные ею слова проповедников к «Слову Божию». В обоих процитированных отрывках из интервью мы видим прямую связь между покрытием головы и получением благословения; во втором случае речь шла о благословении на женщину и ее потомство, а в первом — на мужа.

В дополнение к стандарту покрытия женщинами голов в сообществах ЕХБ были установлены и достаточно специфические нормы относительно женского внешнего вида. По воспоминаниям Веры Блиновой, которая с 1970-х гг. наладила религиозное обучение детей в московской общине ЕХБ,

> нас церковь учила, что мы должны одеваться скромно <...> И все девочки, не говоря уже о женщинах, носили всё скромное. Колени должны были быть прикрыты, когда ты сидишь. <...> Но страна менялась, и стали больше учиться, и девочки стали больше за собой следить. Уже можно было косы отрезать — да, а сначала нет, волосы должны были быть длинные, а не короткие. Это все по Священному Писанию[14].

По свидетельствам респондентов, евангельские общины в СССР категорически запретили ношение женщинами брюк[15]. С 1950-х по 1970-е гг. борьбу с брюками безуспешно вела и советская идеологическая машина, которая и через пропаганду, и административными методами пыталась не допустить практику ношения женщинами брюк в общественных местах[16], поскольку

13. Интервью с Р.П.

14. Интервью с Блиновой В.П. (Москва, 2017).

15. Интервью с Ситниковым В.В. (Иркутск, 2015). Другие утверждают: Данчевская А.С. (Омск, 2014); Панчуков; Самотуга; Струкова.

16. *Лебина Н.* Мужчина и женщина, С. 171–173.

они «подвергают опасности не только женственность женщин, но и их скромность»[17]. Негласный запрет на ношение брюк для советских женщин наиболее строго действовал в 1970-е гг. в Сибири[18]. Трое сибирских респондентов обосновывали запрет на ношение брюк через Писание, ссылаясь на Второзаконие 22:5: «на женщине не должно быть мужской одежды»[19]. С точки зрения истории моды, в религиозной среде не было необходимости в запрете и его обосновании через Писание до середины 1950-х гг., когда редкая советская женщина осмеливалась появиться в штанах на публике. Часто вопрос появления женщины в брюках в церкви даже не поднимался, поскольку они считались рабочей одеждой[20]. Запрет актуализировался только со второй половины 1970-х гг., когда распространение получила «западная» мода, в том числе джинсы.

Реплики наших респондентов, подводящих библейскую аргументацию под требования дресс-кода и использующих понятия, характерные для советских требований к женской одежде, можно обобщить в двух словах: скромно и прилично[21]. Некоторые используют выражения «все должно быть закрыто» или «обязана закрыть все тело», когда описывают то, как следовало одеваться женщине[22]. Верующие женщины в советский период всегда носили длинные юбки (ниже колен), длинные рукава (до запястий) и нейлоновые чулки — утверждали верующие[23].

Одна женщина, родившаяся в 1920-е гг. в Кемеровской области, рассказывала о своих ощущениях, когда она оказалась в церкви, не надев чулок:

> Я когда пришла в церковь, я себя такой ничтожной… Я сидела. Потом я увидела, что у меня чулков нет на ногах. Мне было так стыд-

17. Bartlett, D. (2010) *FashionEast: The Spectre that Haunted Socialism*, Cambridge, MA: MIT Press, 192.
18. Kon, I.S. (1995) *The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today*, trans. James Riordan, p. 136. New York: The Free Press.
19. Интервью с Панчуковым, Самотуга, Ситниковым.
20. Интервью с Ноготковой (Тамбов, 2014).
21. Интервью с Генрих; Данчевской; Панчуковым; Ситниковыми; Струковой; Хоробрых; Шевчук Е.А. (Искитим, 2015).
22. Интервью с Генрих; Панчуковым; Ситниковой В.А. (Иркутск, 2015); Т.П. и В.П.; Шевчук.
23. Интервью с Бузько Я.Н. (Минусинск, 2015); Панчуковым; Ситниковыми; Струковой; Т.П. и В.П.; Хоробрых; Шевчук.

> но. Мне казалось, что я преступница. Я пришла в церковь. Я обязана закрыть все тело. А я сижу без чулков. <…> Летом мне казалось, что я обязана чулки надеть, а я не надела. Мне было стыдно. Вот такие мы скромные все[24].

Существовал ли в общинах дресс-код для мужчин, или все правила касались только женщин? Всего лишь один респондент, после прямого вопроса, упомянул о мужском дресс-коде, но – после рассказа о правилах для женщин[25]. Между тем фотографии показывают существование требований и к мужчинам. В целом облик мужчины из евангельской среды соответствовал облику советского партократа среднего звена[26]. Верующие вспоминают о критике в адрес молодых людей, появлявшихся в джинсах или с длинными волосами[27]. Однако сегодня в абсолютном большинстве случаев при обсуждении дресс-кода в молитвенных собраниях внимание рассказчиков сосредоточено исключительно на женщинах, что отражает гендерный дисбаланс при мониторинге сообществом поведения своих членов и демонстрирует отработанную систему двойного стандарта.

Несколько респондентов цитировали места из Св. Писания (или ссылались на них), в которых были указания на то, как женщинам следует выглядеть и вести себя в церкви. Обычно речь идет о 1 Петр 3:3-4 и 1 Тим 2:9-10, где указывается, что женская красота или внешность должна выделяться не искусной прической или ювелирными украшениями и дорогой одеждой, но «кротким и молчаливым духом» и «добрыми делами». Многие собеседники утверждают, что в советское время драгоценности, макияж или даже использование губной помады считались совершенно недопустимым для женщин-евангеликов[28]. Москвичка Вера Блинова вспоминает: «Красить себе ресницы, губы — практически этого

24. Интервью с Шевчук.

25. Интервью с Ситниковым.

26. Стандарты поведения могли объяснять мужчинам, в том числе пресвитерам, пожилые женщины. Воспоминание одной верующей: «Вот мы все вместе и обличили их за то, что они, как коммунисты, нацепили на себя галстуки» (*Прохоров К.*, сост., Подвиг веры: Уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР. Омск: Наука, 2010. С. 214 — со ссылкой на интервью с Е.И. Седых (Сакраменто, Калифорния, США, 2006).

27. Интервью с Ноготковой.

28. Интервью с Данчевской, Панчуковым, Р.П., Самотуга, Ситниковыми, Т.П. и В.П., Хоробрых.

не было. Это считалось грехом. Это считалось, что Господь тебя такую создал, а ты вот недовольна Господом. Это подражание миру, сильное подражание миру, поэтому это не было принято»[29]. Таким образом, женская *естественная* красота была индикатором благочестия, а попытки женщины изменить внешность воспринимались единоверцами как уступка требованиям «внешнего мира».

Евангельское благочестие и «внешний мир»

Говоря о выборе женщиной одежды, Людмила Генрих утверждала: «Христос, совесть и Библия — это наши критерии»[30]. Отсылка к Писанию, Иисусу Христу и моральным императивам в качестве источника стандартов того, на что должна ориентироваться женщина, отражает три ключевых особенности вероисповедания евангеликов — библицизм, христоцентризм и активизм, то есть убеждение в том, что Благая весть должна быть подтверждена действием, — которые сходятся в женском опыте личного благочестия и сопутствующей ему идентичности[31].

Личное благочестие евангеликов — мужчин или женщин — могло быть проявлено разными способами. На вопрос о том, как верующим следует себя вести, наши респонденты отвечали общими, расплывчатыми понятиями: «как христиане», «по-христиански» или «по-баптистски»[32]. Такие выражения одновременно лишены смысла и перегружены им. Чаще верующие используют более конкретные понятия, такие как кротость, скромность и приличность[33]. Хотя и эти понятия нуждаются в прояснении.

У рассказчиков присутствует убеждение, что верующие должны выглядеть не так, как неверующие, и таким образом (находясь, так сказать, «вне современной культуры») «быть светом» и привлекать внимание ко Христу, а не к себе[34]. Выделение себя из мира, лежащего во зле — важный признак христианского бла-

29. Интервью с Блиновой.

30. Интервью с Генрих.

31. Эти черты охватывают три из четырех исторических факторов, используемых для определения евангелизма (четвертый — конверсионизм). См.: Bebbington, D.W. (1989) *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s,* pp. 2–17. London: Unwin Hyman.

32. Интервью с Волобуевой; Масенковой А.М. (Красноярск, 2015); Самотуга.

33. Интервью с Волобуевой, Генрих, Данчевской, Панчуковым, Ситниковыми, Струковой, Хоробрых, Шевчук.

34. Интервью с Бузько, Волобуевой, Панчуковым, Самотуга, Ситниковыми, Хоробрых.

гочестия[35]. Характерным для баптизма было удаление от мирского соблазна, сосредоточение своей жизни в «малом стаде избранных»[36], с четко обозначенными нормативами, жесткой дисциплинаризацией, сильными эсхатологическими настроениями.

В изданной в 1972–1974 гг. Советом церквей ЕХБ специальной инструкции «Дом Божий и служение в нем», касающейся нормативов устроения евангельской общины, разделы 57 и 58 были посвящены темам «как следует одеваться христианам» и «о покрытии головы сестер при богослужении»[37]. В этом документе отмечалось: «Никаких указаний в Слове Божием об определенном виде одежды нет. Но значит ли это, что наши христиане и христианки должны одеваться, кто как может? — Нет. К одежде даны Духом Святым строгие указания, которые мы должны учитывать для себя и напоминать другим». Несмотря на признание того факта, что в Писании отсутствуют указания, регламентирующие одежду христиан, следующий пассаж утверждает, что предлагаемые в общинах нормы продиктованы Духом Святым. Наряду с предложением верующим одеваться «как прилично святым», в документе перечисляется, какой одежда не должна быть, и рефреном звучат эпитеты «проста, скромна, свободна, прилична, соответствует возрасту и прилична святым»[38]. Пресвитер незарегистрированной общины в Иркутске также цитировал выражение «как прилично святым» (из Послания Титу 2:3), когда обсуждал важность правильного одеяния для всех верующих. Однако как в этом фрагменте из Писания, так и в словах пресвитера акцент сделан на женщинах, а не на мужчинах[39]. В документе Совета церквей специально запрещалось окраши-

35. Интервью с Генрих, Панчуковым, Ситниковым, Хоробрых.

36. Мы знаем, что евангельские общины в Советском Союзе не были подвержены влиянию кальвинистской теологии, в отличие от их единоверцев на Западе, и эта концепция малого числа избранных происходит не из четко сформулированной кальвинисткой позиции, но скорее из буквально воспринимаемого Нового Завета и репрессивной политики в отношении верующих. Эта ситуации продолжалась до появления зарубежных миссионеров и литературы, распространившей сильное влияние кальвинизма в позднесоветский и постсоветский период, когда евангельские церкви стали реагировать на кальвинистскую теологию. См.: Prokhorov, C., (2013) “Why the Russian Baptists are Neither Arminians Nor Calvinists”, *Theological Reflections* 14: 199–212.

37. *Храпов Н.П.* (сост.) Дом Божий и служение в нем. Издание СЦ ЕХБ, Раздел 57. [http://www.blagovestnik.org/books/00280.htm, доступ от 30.03.18].

38. Там же.

39. Интервью с Панчуковым.

вание волос и замужним женщинам однозначно предписывалось покрытие головы. Этот документ дополнительно подчеркивал законность практик тех общин, где все женщины покрывали головы. Вероятно, как раз с 1970-х гг. верующие незарегистрированного сообщества начинают осознанно выделяться из светского (да и религиозного) окружения своим внешним видом. Об этом вспоминают наши респонденты, которые упоминают, что у женщин из инициативников юбки были более длинными, а волосы просто закалывались[40].

Важность облика верующего актуализировалась в контексте «предстояния» перед Богом и должна была соответствовать святости места. Одна верующая вспоминала, как однажды в 1970-е гг. она пришла на богослужение в шапке (а не в платке), полагая, что этого будет достаточно. Увидев ее в таком виде, мать сказала: «Ты что это? Ты куда пришла? На святое место! Ну-ка, быстро надевай косынку»[41].

Разговор о внешнем виде и благочестии чаще всего касается поведения в молитвенном собрании. В своем сознании респонденты придают месту общей молитвы сакральное значение[42]. Именно поэтому посещение богослужения воспринимается как важное событие в жизни; это место специально выделено для общения с Богом. Жена пастора Тамбовской общины ЕХБ Татьяна Ноготкова предполагала, что консерватизм в богослужебных практиках баптистов связан с идущей из православия традицией сакрализации богослужебного пространства и предметов обихода: «у нас сказывался еще вот этот менталитет православный: «как вот в церкви *должно* быть» — вот это <…> у нас с детства, наверное, на генетическом уровне заложено»[43]. Одновременно пространство молитвенного собрания стало стержнем жизни верующих, и здесь проходит основная социализация членов сообщества.

Внутреннее проявление почтения демонстрировалось через соблюдение предписаний и традиций, включая строгое распределение мест в молитвенном собрании, согласно которому, в частности, мужчины и женщины сидели по разные стороны от прохода в маленьких молитвенных помещениях или в особо обозначен-

40. Интервью с Дик Е. (Берлин, 2014).

41. Интервью с Р.П.

42. Интервью с Панчуковым, Р.П., Хоробрых.

43. Интервью с Ноготковой.

ных пространствах больших церквей[44]. Например, в молитвенном доме ЕХБ в Караганде были отдельные входы и раздевалки для мужчин и женщин[45]. В среду советских баптистов эта практика, вероятно, была перенесена от меннонитов и немецких баптистов из Украины, Западной Сибири и Центральной Азии, и ее существование обосновывается тем, что присутствие женщин может отвлечь мужчин от полноценного участия в служении Богу.

Членам общин и их детям категорически не рекомендовалось совместно проводить досуг с окружающими их советскими людьми — посещать танцевальные площадки, клубы, кино и театры, музеи, поскольку мероприятия на этих площадках зачастую имели атеистически-пропагандистскую составляющую. То есть собрания единоверцев были единственным местом, где мужчины и женщины могли создавать репутацию, показывать таланты, и где они потенциально могли познакомиться со своим будущим супругом. Здесь читали стихи, пели песни, гимны, исполняли музыкальные произведения. Община обеспечивала верующим альтернативный культурный досуг, и все творческие амбиции верующие реализовывали внутри сообщества.

С 1960-х гг. в среде евангельских христиан-баптистов возникла потребность в обозначении границ и внутри евангельского братства, разделении «овец и козлищ», следующих нормам «мира». Если в советский период лидеры «отделенного» или «возрожденного» братства обвиняли своих единоверцев из зарегистрированных общин в обмирщении, в подчинении атеистическому государству, в нежелании страдать за веру, то в постсоветский период пришлось искать другие критерии. Хорошо фиксирующейся и актуальной для всех линией демаркации стали отношение к деторождению и внешний вид женщин, принадлежащих к общинам. Например, пресвитер незарегистрированной общины ЕХБ в Иркутске утверждал, что на сегодняшний день два «основных вопроса» разделяют зарегистрированные и незарегистрированные церкви: то, как одеваются женщины в церкви и в повседневной жизни, и то, как верующие относятся к контролю за деторождением[46].

44. Интервью с И.М. и А.С. (Черемхово, 2015); Т.П. и В.П.; Толмачевыми И.С. и Т.Г. (Иркутск, 2015); Хоробрых.

45. Интервью с Й. Диком (Берлин, 2014). Эта норма, характерная для ортодоксальной иудейской культуры, присутствует у русских старообрядцев, а также в мусульманской культуре.

46. Интервью с Панчуковым.

Главным видимым признаком обмирщения, отступления от веры стало употребление декоративной косметики. В отношении таких верующих употреблялось понятие «плотские» в отличие от подлинных христиан — «духовных». Верующая Люба из сельской незарегистрированной общины Липецкой области начала разговор с обличительных слов в адрес женщин зарегистрированной церкви, куда она ходила в начале своего духовного пути:

> Я не поняла, где я находилась вобще. Ждали верующих, но мы их не дождались шой-та. Были все распокрытые, без платков. Были все — стрижки, накрашены волоса, ногти у пожилых вот такие <длинные — Е.М.>, накрашены! <…> Распокрывши ходят у нас они… ходют с разрезами! Короткие юбочки. Приходют, дети маленькие цепляются, уходют, проповедуют! Даже вид нехристианский имеют! И как же я буду их воспринимать?! Ну как? Она в мире! И крашеная! И ногти крашены! Всё![47]

Мы видим, как верующая в условиях возможности выбора общины стремится убедить себя и окружающих, что в покинутой ею общине находятся неправильные верующие. Поэтому вся ее аргументация сводится к обличению «неправильных», «плотских» сестер из зарегистрированных общин. Более того, она отказывается считать их верующими, поскольку они демонстрируют свою принадлежность к миру. Итак, в постсоветский период (по крайней мере, в среде членов незарегистрированных общин, которые противопоставляют себя «регистрированным») следование женской моде трактуется как признак обмирщения и нехристианского поведения и подлежит безусловному осуждению.

Верующие среднего и старшего возраста из зарегистрированных общин ЕХБ разделяют подобную точку зрения, описывая свою ностальгию по прошлому, когда все было упорядочено. Они часто вспоминают о «советском» периоде как о времени, когда была жесткая дисциплина, было больше почтения к служителям и отношения между молодыми мужчинами и женщинами были более церемонными, чем в современных церквах[48]. В интервью членов общин зарегистрированного братства есть консенсус относительно того, что строгость и дисциплина, присущие общинам ЕХБ в советское время, играли в целом положительную и нуж-

47. Интервью с «Сестрой Любой» (Липецкая область, 2017).

48. Интервью с Данчевской, Т.П. и В.П., Толмачевой.

ную роль, поскольку они формировали четкий этический норматив; при этом некоторые высказывали критику тех способов, которыми старшее поколение дисциплинировало поведение молодых членов общин[49].

Так, один из наших респондентов, который обратился в 1950-е гг. в Омске, а затем состоял членом более консервативной общины в Караганде, утверждал: «Там, где крепкая дисциплина, там порядок, если в доме крепкая дисциплина, в нем порядок. Если на работе жесткая дисциплина, там порядок. И то же самое в церкви»[50]. Он обсуждал евангельское поведение в целом, но косвенно использовал специфическое понятие *Kleiderordnung*, что дает основание говорить о немецком влиянии в общинах Западной Сибири и Центральной Азии, которое способствовало формированию концепта «богословия приличия» в этих регионах и повлияло на представление о том, что внешнее благочестие не должно быть запятнано мирским воздействием.

Хранительницы нормы и акторы дисциплинаризации

Современные руководители евангельских общин, вспоминая с ностальгией советское прошлое, обязательно говорят, что внутреннее состояние важнее, чем внешний вид. Одновременно они обращают внимание на то, что внешний вид не должен быть вызовом старшим членам общины[51]. Например, Виктор Ситников, пресвитер зарегистрированной общины в Иркутске, рассказывал о приоритетах в духовной жизни молодежи: «Наша цель, допустим, работать так, чтобы у человека, Бог внутри в сердце работал, менял. И тогда из любви к Богу ему нетрудно будет, как бы, и одеваться так, чтобы не вызывало осуждения, может быть, у пожилых людей»[52].

Учитывая патриархальный подтекст гендерного двойного стандарта (этот подтекст проявляется в том, что респонденты сосредотачивали свое внимание исключительно на женской одежде и облике), можно было бы ожидать контроля за внешним видом женщин со стороны мужчин. Однако, хотя определенные требования и ограничения к одежде предъявлялись с кафедры мужчинами-проповедниками, тем не менее в роли охранителей

49. Интервью с Генрих, Данчевской, Р.П., Самотуга, Струковой, Т.П. и В.П., Хоробрых.

50. Интервью с Самотуга.

51. Интервью с Ситниковым, Панчуковым.

52. Интервью с Ситниковым.

и контролеров за внешним видом молодых женщин в общинах выступали преимущественно пожилые женщины. Это явление, характерное для церквей постсоветского пространства, показывает, что женщины не просто полностью усвоили богословие приличия, но и взяли на себя функцию передачи соответствующих требований следующему поколению.

Так, верующие женщины из разных регионов, рассказывая истории из своей молодости как 1960-х, так и 1980-х гг., вспоминали, что «старицы» тщательно проверяли длину их юбок и рукавов[53]. Этот контроль оправдывался Писанием: «чтобы старицы также одевались прилично святым <...> учили добру; чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить детей, быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие» (Тит 2:3-5). Хотя этот отрывок обращает внимание на одежду пожилых женщин, контекст указывает, что пожилые должны моделировать почтительный облик младших. Таким образом старшие получают полномочия «вразумлять» девушек к благопристойному поведению.

Иногда строгие ревнители благочестия могли поступать с нарушительницами радикально. Наша респондентка рассказывала, что в новосибирской общине была незамужняя «сестра» из старшего поколения, которая с особым вниманием относилась к длине юбок у молодых и самовольно наказывала их за нарушение порядка: «Если она видела, что кто-то там короткие юбки <надел>, когда начались <началась такая мода>, она могла подойти сзади и крапивой <хлестнуть>»[54]. Такое поведение ревнительницы благочестия все-таки считали крайностью, и респондентка не преминула сообщить, что сестра была отлучена за ревность не по разуму. Тем не менее, этот эпизод хорошо иллюстрирует методы дисциплинаризации и акторов, ее осуществляющих.

В нарративах верующих присутствует установка не вступать в конфликт со старшими, с носителями других традиций и более консервативных практик. Одна из московских верующих из зарегистрированной церкви, рассказывая о посещениях сельских общин в 1970-е, в годы своей молодости, подчеркивала важность соблюдения местных практик:

53. Интервью со Струковой, Т.П. и В.П., Хоробрых.

54. Интервью со Струковой.

> Я за то, чтобы мы, молодежь, если приезжаем в другую деревню, а там есть традиция, например, не надевать колечки, то мы снимаем колечки. Там, например, бабушка будет не слушать стихотворение, а смотреть на твою ручку, которая держит сборник и на ней надето колечко. Пусть она с этим и живет. Потому что мы приехали в другую культуру[55].

Людмила Хоробрых, имеющая большой опыт работы с детьми в омской общине ЕХБ, рассказывала о своем желании, чтобы общины ЕХБ вернулись к дисциплине, строгости и смирению перед Богом, которые существовали в советский период, особенно в том, что касается внешнего вида женщин. Она подтвердила, что слышала подобные наставления от старших в 1980-е гг., когда была молодой обращенной. Признавая, что следит за внешним видом своей дочери, она добавила: «Это сложно. Не хочется, чтобы была борьба поколений. Она не нужна в церквах. <…> Здесь нужно именно с любовью, с пониманием». Хоробрых высказала и другое желание — чтобы верующие «посвящали время Господу — и в молитве, и в чтении Слова, и в откровении Господу, вот личное общение с Богом». Только с помощью молитвы пожилые верующие могут понять Божью волю и выбрать правильную тактику поведения в отношении молодых, «мудростью житейской, мудростью духовной». Если у пожилых хватит мудрости найти путь к сердцу молодых, тогда молодые сами будут стремиться советоваться со старшими[56].

Справедливости ради нужно отметить, что не все женщины разделяют важность акцента на внешнем виде молодых женщин. Так, одна пожилая верующая из Липецкой области, в доме которой в 1970-е гг. находилась типография нелегального издательства Совета церквей (то есть у нее было славное советское прошлое «героини веры»[57]), пыталась возражать в разговоре с «сестрой Любой» о непринятии верующих, носящих брюки. Она рассказала такой анекдот:

> Один <баптист — Н.Б> тоже не воспринимал. А когда пришел в вечность… — Так, баптисты есть? — Нету. — Пятидесятни-

55. Интервью с Блиновой.

56. Интервью с Хоробрых.

57. См. о протестной активности женщин из общин Совета церквей: Beliakova, N., Dobson, M. (2016) “Protestant Women in the Late Soviet Era: Gender, Authority, and Dissent”, *Canadian Slavonic Papers/Revue Canadienne des Slavistes* 58(2): 117–140.

> ки есть? — Нету — Регистрированные есть? — Нету. — Отделившиеся? — Нету! А кто ж у вас тут в раю-то? — Только чистые сердцем! Те будут с Богом в вечности[58].

В любом случае, возникает вопрос, почему в евангельских общинах радикальные требования соблюдения «традиции» во внешнем виде являются мейнстримом и гласно или негласно поддерживаются большинством? Представляется, что нормативы внешнего вида интуитивно признаются важным механизмом формирования идентичности, своего рода коллективным ответом на «новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»[59]. Мы видим (пост)травматическую реакцию среды на постоянно происходящие изменения и новации. И попытка структурировать хотя бы часть общинной жизни как нечто стабильное, неизменное пришлась на женский внешний вид, который чутко реагирует на изменения женской моды.

При изучении истории религиозных сообществ мы видим процесс «изобретения традиции», который служит сохранению идентичности в условиях секуляризации и конкуренции на религиозном поле. В случае с евангельскими верующими интерес представляет не то, что верующие старшего поколения в массе своей ностальгируют по идеализируемому ими прошлому, а то, что в качестве «золотого века» для них выступает советский период. Если для современных исследователей советские годы характеризуются борьбой с религией, преследованием и маргинализацией верующих, стигматизацией членов «сектантских» общин, то для верующих этот период выступает как время упорядоченного мироустройства, четкой дихотомической картины мира. По словам пресвитера В.П. Зинченко, даже сотрудники КГБ знали, что встреченная на улице в воскресенье скромная ненакрашенная женщина в косынке обязательно приведет на какое-нибудь молитвенное собрание[60]. Эта установка старшего поколения верующих в целом совпадает с ностальгией постсоветских обывателей об эпохе «брежневской стабильности», что подтверждает выдвинутый историками тезис о существо-

58. Интервью с К.А., Липецкая область.

59. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 48.

60. *Прохоров К.* Подвиг веры: Уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР, Омск, Наука, 2010, С. 183, со ссылкой на интервью с В.П. Зинченко (Сиэтл, Вашингтон, США, 2006).

вании в тот период определенного консенсуса между властью и обществом[61].

Как же одевались до перестройки?

Согласно замечанию Алейды Ассман, «индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере осознаются как социальные или культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю»[62]. В нашем распоряжении имеется массив фотографий, как собранных в общинах ЕХБ, так и предоставленных отдельными верующими. Значительный географический и хронологический охват создает возможность достаточно полной реконструкции внешнего облика евангельских верующих послевоенного периода. Анализируемые нами фотографии являются яркой иллюстрацией того, как индивидуальные и коллективные воспоминания верующих стали социальными и культурными конструктами, приобретшими самостоятельное значение.

На первой фотографии, относящейся к середине 1940-х гг. и сделанной в праздник жатвы в московской общине ЕХБ, мы видим главных авторитетов евангельского братства — руководителей Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов. В нижнем ряду стоят супруги и ближайшие родственницы рукоположенных руководителей братства. Мы видим на женщинах лаконичную одежду с длинными рукавами, длинные, зачесанные назад и собранные волосы; эти женщины еще не знакомы с требованием покрывать голову в молитвенном собрании: из двенадцати женщин только одна стоит в платке, который представляет собой часть верхней одежды в холодное время года.

61. См. обзор исследований о стратегии брежневской политики: Millar, J.R. (1985) "The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism", *Slavic Review* 44(4): 697–698; см. об особенностях брежневской религиозной политики: *Савин А.И.* «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком»: «брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 ГГ.) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 4. С. 59–75.

62. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. С. 10.

Иллюстрация 1. Руководители ВСЕХБ с женами и родственницами на празднике Жатвы в Московской Центральной Церкви ЕХБ. Москва, середина 1940-х гг. Фотография из коллекции МО ЕХБ

Сосуществование разных типов одежды ярко показывает фотография богослужения в Московской общине ЕХБ конца 1950-х гг., где внешний вид женщин, поющих в хоре, кардинально отличается от сидящих на балконе.

Иллюстрация 2. Хор и балкон Московской Центральной Церкви ЕХБ. Москва, конец 1950-х гг. Фотография из коллекции МО ЕХБ

Мы видим на хористках белые блузы с длинным рукавом и закрытой шеей, темные юбки. На непокрытых головах гладко зачесанные, собранные в лаконичные прически длинные волосы. В то же время сидящие на балконе женщины — в верхней одежде, непременной частью которой был платок.

Сегодня трудно определить момент, когда евангельские общины стали жестко следовать требованию апостола Павла (1 Кор 11), и следующая фотография показывает наличие разнообразных практик в общине ЕХБ в маленьком провинциальном городке Рассказово Тамбовской области в середине 1960-х гг.

Иллюстрация 3. Посещение старшими братьями общины ЕХБ в гор. Рассказово Тамбовской области. Конец 1950-х гг. Фотография из коллекции МО ЕХБ

Эта официальная фотография, широко растиражированная в среде баптистов Тамбовской области и даже оказавшаяся в Москве, зафиксировала исторический момент — посещение общины, состоящей исключительно из женщин, старшими братьями. Руководительница общины Антонина Васильевна Терехова[63] в белой косынке находится в центре между двумя приезжими проповедниками. Фотография показывает разнообразие практик покрытия головы и типов одежды у провинциальных баптисток. Часть женщин покрыла свои головы черными «вдовьими» шалями, дру-

63. См. о ней больше: *Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: «Индрик», 2015. С. 49.

гие — в традиционных крестьянских платках, третьи — в косынках (элемент одежды, вошедший в повседневный быт и ставший неизменным атрибутом женщины-работницы 1920–1960-х гг.). Однако присутствует значительное количество женщин, как молодого возраста, так и средних лет, которые сфотографировались с непокрытой головой. Можно было бы предположить, что женщины, покрывающие головы, являются замужними, и тогда это явление легко объясняется сохранением традиционной крестьянской культуры. Тем не менее, мы твердо знаем, что некоторые женщины, не покрывшие головы, тоже были замужем.

Наши респонденты из незарегистрированных общин подчеркивали, что от замужних женщин ожидается покрытие головы не только во время богослужений, но постоянно, что является знаком ее подчинения мужу[64]. В документе «Дом Божий», составленном в начале 1970-х гг., утверждалось: «В ряде общин братства „Совета церквей“ принято большинством членов под выражением „жена“ считать вообще всех сестер независимо от возраста и замужества, и поэтому обязывают при богослужении покрывать свою голову»[65]. Однако зафиксированная в цитированном выше документе практика покрытия головы не была принята в незарегистрированной общине Омска.

Иллюстрация 4. Группа верующих Совета церквей ЕХБ после собрания в лесу. Омск, 1974 г. Фотография из личной коллекции Л.Л. Савченко

64. Интервью с Панчуковым; разговоры с Марией (дочерью Волобуевой) и Таисией (женой Самотуга).

65. *Храпов*, Дом Божий, Пар. 58.

Например, на фотографии взрослых и детей, сделанной после нелегального богослужения в лесу в 1974 г., видно нескольких замужних и незамужних женщин с непокрытыми головами.

Продолжая изучать фотографии, отражающие провинциальные практики общин, заметим, что далеко не все ограничения, представляющиеся обязательными нашим рассказчикам, практиковались в советский период. Например, мужчина, родившийся в 1930-е гг., в ответ на вопрос, как должны были вести себя верующие женщины, показал на длинную до пола юбку, которая была надета на интервьюере, и сообщил, что женщинам следовало носить юбки такой длины. Часом позже он показывал фотографию членов общины ЕХБ в Минусинске Красноярского края, относящуюся к середине 1970-х гг.

Иллюстрация 5. Верующие Минусинской общины ЕХБ. Минусинск, середина 1970-х гг. Фотография из личной коллекции Я.Н. Бузько

На фотографии в первом ряду сидит дочь рассказчика, одетая в достаточно короткую юбку, показывающую ее голени и демонстрирующую отсутствие чулок. Рядом с ней сидят ее подруги, одетые таким же образом[66].

Итак, судя по фотографиям 1950–1970-х гг., предписание женщинам носить блузки с длинными рукавами до запястий не всегда действовало в Москве, в Сибири и в Тамбовской области. Женщины носили длинные, полудлинные и даже короткие рукава,

66. Интервью с Бузько. Другие также обсуждали требование длинных юбок: Панчуков, Струкова, Хоробрых.

что видно на опубликованных выше фотографиях из зарегистрированных общин в Москве в 1950-е гг. (фото 2), в Рассказово в 1960-е гг. (фото 3) и из незарегистрированной общины в Омске в 1970-е гг. (фото 4).

Итак, наши респонденты утверждали, что верующие не должны подражать «миру» в вопросах моды. Как и в других обществах, женская мода в Советском Союзе претерпела кардинальные изменения в XX столетии. Более того, советская мода была очень авторитарной. Как вспоминает верующая из Тамбова Ноготкова, «была мода покороче — покороче надевали, была мода длинные — длинные носили. Была мода шпилька-каблук — мы шпильку. Но тоже, что и не говори, а все равно ведь придерживались. Да у нас в то время и нельзя было не придерживаться, особенно обувь — если модно шпилька, то ты никаких других туфлей не купишь»[67]. Мужская мода оказалась значительно более стабильной, признавая в качестве базового элемента рубашку с воротником и брюки.

Получается, что утверждение «*верующие* не должны следовать моде, принятой в миру», не имеющее на первый взгляд гендерного измерения, на практике оборачивается требованием, чтобы *женщины* не шли за миром. Хотя советскую моду в целом трудно назвать нескромной, особенно по сравнению с постсоветскими трендами, обширный список (не)допустимой женской одежды показывает, что верующие стремятся вычеркнуть из памяти воспоминание о том, что и в советский период женщины неизбежно следовали моде в подборе одежды. Анализ фотографий и автобиографических свидетельств показывает, что гипотетический период, когда женщины из общин ЕХБ не подвергались влиянию советской моды, существует только в головах респондентов. Тем не менее, несмотря на установленный факт, что строгие и неизменные нормативы облика женщин на практике не соблюдались, сама идея их важности, память о нормах внешности может многое сообщить о прошлых и настоящих стандартах поведения в сообществе и объяснить, почему внешний вид может служить важным маркером идентичности.

Внешний вид как маркер благочестивой идентичности: итоговые наблюдения

Ответ на вопрос, почему для баптисток изменение своего внешнего вида имеет особое значение, может дать исследование, прове-

67. Интервью с Ноготковой.

денное в Колумбийском университете. Его авторы предположили, что то, как человек воспринимает свою одежду, прямо влияет на то, как он себя осознает (идентифицирует), и оказывает влияние на его интеллектуальную активность. Эта концепция, получившая название *enclothed cognition* (облаченное познание), была выработана после эксперимента, целью которого было выяснение, как люди решают творческие задачи в зависимости от того, как называют надетые на них белые пальто — лабораторным халатом ученого или рабочей блузой художника. Результаты этого эксперимента могут помочь при анализе внешнего вида верующих в евангельских сообществах. Согласно Х. Адам и А.Д. Галински, концепция *enclothed cognition* «определяет систематическое влияние одежды на психологические процессы ее носителя и тенденции в его поведении» и «включает пересечение двух независимых факторов — символического значения одежды *и* физического опыта ее ношения»[68].

Свободная, простая по крою юбка и косынка на голове в послевоенном СССР могли быть типичной одеждой женщины, работающей на производстве или в сельском хозяйстве, но также могли выступать броней, защищающей верующую женщину от безбожного общества, которое пытается ввергнуть ее в бездну безнравственности и нескромности через следование модным тенденциям популярной культуры. В каких-то случаях эти факторы совпадали. Разница состояла в том, что верующая женщина ощущала себя как соответствующую благочестивым стандартам внешнего вида, тогда как светская женщина, разумеется, об этом не задумывалась. Комбинация ношения одежды и ее символического значения превращала эту одежду в символ святости и благочестия (на практике женщина должна была осознать, какие стили одежды предпочитают пожилые женщины или мужчины в ее общине, а затем принять соответствующую норму и следовать ей).

Следуя логике *enclothed cognition*, евангельские женщины в (пост)советском контексте должны были чувствовать себя более благочестивыми, когда следовали дресс-коду в церкви, чем когда носили халат дома. Хотя стремление к личному благочестию предполагается во всех сферах жизни человека, соответствие верующей принятым нормам внешнего вида усугубляет ее

68. Adam, H., Galinsky, A.D. (2012) “Enclothed Cognition”, *Journal of Experimental Social Psychology* 48: 919, 918. Пример влияния одежды на поведение того, кто ее носит, отражен в сатирическом рассказе Н. Тэффи «Жизнь и воротник».

стремление к святости. Одновременно это способствует подтверждению единоверцами степени ее благочестия. Другими словами, хотя апостол Павел предупреждает верующих: «не сообразуйтесь с веком сим» (Рим 12:2), — для женщин в евангельских общинах приемлемым (и более того, ожидаемым) является соответствие культуре ее церкви — для обеспечения и поддержания определенного уровня святости, благословенности и благочестия.

Одна из респонденток, рассуждая о том, почему верующие стали уделять внимание внешнему виду, высказала интересное предположение: в ее молодости эта тема не была востребованной, поскольку молодежь в основном была из семей верующих, а значит, находилась в верной системе координат. Одежда, по ее мнению, отражала внутреннее состояние человека. Когда же в период перестройки в общинах стали появляться новые люди, то они принесли свои представления о должном: «Поэтому и неверующие, они, когда шли в церковь, они представляли: вот так должно быть. Вот такие должны быть. Главное, они представляли, что мы такие должны быть — в платочках там, в черных этих, и в то же время нас осуждали, что если, то они там вот такие-такие и такие»[69].

Так или иначе, одежда стала важным фактором формирования субкультурной среды верующих общин ЕХБ[70]. Кардинальная смена внешнего вида, выбор одежды, обозначающей религиозную принадлежность, стали возможны, как представляется, преимущественно в постсоветском контексте. Понятие «множественные идентичности» как нельзя лучше отражает ситуацию, в которой оказались верующие после разрушения монопольной идеологии и жесткого нормирующего влияния коллектива. Мы признаем, что в сообществе ЕХБ на постсоветском пространстве сосуществуют разные практики, однако в ряде общин женщины, получив возможность выбора, еще более осознанно надели платки и другие знаки, маркирующие их принадлежность к религиозному сообществу, и обнаружили готовность отстаивать свой выбор, подведя под него теологическую базу.

69. Интервью с Ноготковой.

70. Опыт «примеривания» на себя религиозности людьми, пришедшими в церковь из секулярного мира, в православной среде произошел ранее. Вслед за Эриком Хобсбаумом Кравецкий интерпретирует появившуюся тенденцию среди православных неофитов в 1970-е гг. надевать платочки и «юбки в пол» как символ «изобретения традиции», тогда как сами женщины считали, что они продолжают вековую традицию (Kravetsky, A.G. (2016) “Revival, Invention, Reconstruction: Some Features of Church Practice in the Twentieth Century”, *TEXTS: Arts and Literature, Scientific and Analytical Journal* (April): 99–100).

После прекращения гонений и маргинализации верующих со стороны «большого» советского общества возникла потребность в самоопределении, самоидентификации, выделении себя, в том числе внешнем, из массы постсоветских обывателей, «мирских». Евангельские верующие оказались в окружении православного большинства, в котором актив маркирует свое благочестие определенным дресс-кодом. В этом контексте «крещенные по вере» евангельские христиане должны были выглядеть не менее, а то и более «верующими».

Разрушение тоталитарной системы стимулировало поиски людьми социальной общности, которая бы воссоздала для них четкую систему координат. В религиозных сообществах, особенно в малых группах, коллектив выдвигал требования к поведению и внешнему виду членов, взамен давая чувство защищенности и уверенности в принадлежности к кругу «спасенных». В постсоветских обществах, изменения в которых происходили весьма быстрыми темпами, стремление верующих отгородиться от безнравственных тенденций мира стало еще более значимым. Усиление неоконсервативной риторики в религиозных сообществах на постсоветском пространстве совпало с разочарованием в либеральных ценностях, утверждающих право человека на свободу выбора[71]. В среде, для которой характерно иерархическое доминирование, в том числе внутри женского сообщества, одежда, особенно платок, стала также и знаком защиты.

Заключение

В евангельском сообществе сформировалась память об упорядоченном прошлом, в котором женщины одевались правильно и вели себя прилично. Обсуждение внешнего вида женщин стало важной частью разговора о вере, о евангельском благочестии, что позволило авторам вынести в название статьи понятие «богословия приличия» как один из важных маркеров современного евангельского христианства в России.

Представленные интервью отразили как существующие в евангельском сообществе предписания и запреты относительно одежды и поведения, так и внутреннюю мотивацию его членов следовать этим нормам. Установки о необходимости скромности во внешнем

71. По иронии судьбы «либеральная» ценность — религиозная свобода — была базовым требованием баптистов-диссидентов в Советском Союзе.

виде были призваны выражать внутреннее христианское благочестие, отказ от внешних украшений в пользу внутренней красоты. Некоторые обоснования были откровенно гендерными, поскольку именно женская скромность в одежде должна была предотвратить как соблазны для мужчин, так и зависть со стороны других женщин[72]. Другие объяснения также имеют гендерный характер, хотя и являются более завуалированными, поскольку адресовались всем верующим. Тем не менее, они подразумевали дифференцированный двойной гендерный стандарт — например, утверждение о неприличности верующему следовать моде, принятой в миру, в действительности подразумевает прежде всего женщин.

В ходе анализа «богословия приличия», основанного на материалах устной истории, мы выявили три значимых тенденции. Скромность трансформируется в унификацию, и давление внутри сообщества способствует формированию базирующихся на цитатах из Писания теологических конструкций, которые используются для обоснования требований, введенных в последнее время и обозначаемых в качестве нормы. Современное богословие приличия фокусируется преимущественно на женской одежде и внешнем виде женщин, что отражает как двойной стандарт в сообществе, так и ностальгию по «патриархальным» порядкам. Основными акторами дисциплинаризации в общинах выступают сами женщины, более того, для них следование принятым нормам становится путем к личной святости, маркером их веры и видимым знаком благочестия, к тому же одобряемого сообществом.

Исследование показало преобладание пристального внимания к женскому внешнему виду и более жестких ограничений в отношении женщин в среде незарегистрированного сообщества ЕХБ. Необходимость выделения себя из «обмирщенной» среды остальных верующих потребовала выработки жестких стандартов и дисциплинарных мер, привела к маркированию внешнего вида женщин в качестве ключевого признака благочестия.

Библиография / References

Интервью

Блинова В.П., взято В. Клюевой, 15.02.2017, Москва.

Бузько Я.Н., взято Э. Френч, 09.03.2015, Минусинск.

Волобуева Н.А., взято Э. Френч, 13.12.2014, Омск.

72. Интервью с Генрих, Ситниковыми, Хоробрых.

Генрих Л.А., взято Э. Френч, 11.05.2015, Новосибирск.

Данчевская А.С., взято Э. Френч, 11.12.2014, Омск.

Дик Е., взято Н. Беляковой, 15.07.2014, Берлин.

Дик И., взято Н. Беляковой, 15.07.2014, Берлин.

И.М. и А.С., взято Э. Френч, 04.04.2015, Черемхово.

К.А., взято Е. Мироновой, 23.08.2017, Липецкая область.

Масенкова А.М., взято Э. Френч, 18.03.2015, Красноярск.

Ноготкова Т., взято Н. Беляковой, 27.04.2014, Тамбов.

Панчуков В.Г., взято Э. Френч, 15.04.2015, Иркутск.

Р.П., взято Э. Френч, 17.12.2014, Омск.

Савченко Л.Л., взято Э. Френч, 02.06.2015, Омск.

Самотуга М.Т., взято Э. Френч, 20.12.2014, Омск.

«Сестра Люба», взято Е. Мироновой, 23.08.2017, Липецкая область.

Ситниковы В.В. и В.А., взято Э. Френч, 14.04.2015, Иркутск.

Струкова С.С., взято Э. Френч, 27.04.2015, Новосибирск.

Т.П. и В.П., взято Э. Френч, 14.04.2015, Иркутск.

Толмачевы И.С. и Т.Г., взято Э. Френч, 31.03.2015, Иркутск.

Шевчук Е.А., взято Э. Френч, 04.05.2015, Искитим (Новосибирской области).

Хоробрых Л.В., взято Э. Френч, 16.12.2014, Омск.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.

Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: «Индрик», 2015.

Коломийцев А.И. Пленник Книги. Вехи пройденного пути. Ванкувер: Церковь «Слово благодати», 2015.

Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. М.: НЛО, 2014.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. 3-е изд. М.: НЛО, 2018.

Прохоров К. (сост.). Подвиг веры: Уникальные свидетельства о жизни христиан в СССР. Омск: Наука, 2010.

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком»: «брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 ГГ.). // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2016. № 4. С. 59–75.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций. // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Храпов Н.П. (сост.). Дом Божий и служение в нем. Самиздатское издание СЦ ЕХБ, 1972–1974. [http://www.blagovestnik.org/books/00280.htm, доступ от 30.03.18].

Interviews

Blinova V.I., conducted by N. Beliakova, 15 Feb. 2017, Moscow.

Buz'ko Ia.N., conducted by A. French, 9 Mar. 2015, Minusinsk.

Danchevskaia A.S., conducted by A. French, 11 Dec. 2014, Omsk.

Dyck E., conducted by N. Beliakova, 15 Jul. 2014, Berlin.